

ДЖИЛЛИАН ХАНТЕР

НЕВЕСТА
БЕЗ ФАТЫ

АСТ
МОСКВА

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Сое)
Х19

Серия «Шарм» основана в 1994 году

Jillian Hunter
A BRIDE UNVEILED

Перевод с английского Я.Е. Царьковой

Компьютерный дизайн Г.В. Смирновой

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
William Morris Endeavor Entertainment, LLC
и Andrew Nurnberg.

Хантер, Джиллиан

Х19 Невеста без фаты : [роман] / Джиллиан Хантер; пер. с англ. Я.Е. Царьковой. — Москва: АСТ, 2014. — 318, [2] с. — (мини-Шарм).

ISBN 978-5-17-087234-3

Дружба девочки из богатой семьи Вайолет и Кита, мальчишки из рабочего дома? Порой и невозможное возможно. Но Кит бесследно исчез, и детские привязанности, казалось, были забыты навсегда. Однажды судьба послала им новую встречу, и давняя дружба вдруг вспыхнула пожаром страстной, неистовой любви... любви, у которой нет будущего. Может ли простой, хоть и искусный фехтовальщик жениться на светской леди, к тому же помолвленной с другим? Против Кита, казалось бы, все — и судьба, и законы общества. Однако разве истинная страсть не способна преодолеть любые преграды?..

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Сое)

© Maria Hoag, 2011
© Перевод. Я.Е. Царькова, 2012
© Издание на русском языке AST Publishers, 2014

Глава 1

*Манкс-Хантли
Англия, 1808 год*

Мисс Вайолет Ноултон уже не один год подозревала, что с ней что-то не так. Однако только на тринадцатое лето своей жизни она обнаружила у себя скытый изъян. До той поры она считала себя послушной девочкой, которой повезло в жизни, несмотря на то что она потеряла родителей так давно, что у нее даже не осталось о них воспоминаний, чтобы горевать об утрате.

Ее тетя и дядя, барон и леди Эшфилд, лелеяли ее, пестовали и растили как собственного ребенка. Из Фалмута, где жизнь была ключом, они переехали в забытую Богом деревушку под названием Манкс-Хантли, чтобы уберечь Вайолет от соблазнов, которые, как ей было доподлинно известно, подстерегали каждую девочку, не подозревающую о вездесущих врагах рода человеческого. И чем старше становилась Вайолет, тем чаще она, глядя вдаль из окна спальни, задумывалась о том, в ка-

ком облике явится ей этот грозный враг — соблазн. Предстанет ли он в образе мужчины? Или дикого зверя? Она жила под впечатлением, что эта таинственная опасность грозит всем девушкам без исключения. Если бы только ее опекуны объяснили ей, почему они так часто замолкают, когда она входит в комнату без стука. Если бы только признались ей, что опасность заключена в ней самой и что они собираются уберечь ее от нее самой, она бы, возможно, утратила бдительность.

Все их попытки ее уберечь были обречены на провал.

До ее тринадцатого дня рождения оставалось два месяца, когда Вайолет, выглянув из окна, впервые заметила мальчика на заброшенном кладбище в овраге между лесом и усадебным домом дяди. В сгущающихся сумерках ей показалось, что мальчик энергично с кем-то сражался, но с кем? Вайолет при всем старании не смогла разглядеть его соперника.

Прошло три дня, прежде чем она снова его увидела. На этот раз было не так темно, и она поняла, что мальчик сражается лишь с воображаемым врагом. И с тех пор каждый вечер она уже не сходила со своего поста у окна, часами вглядывалась в темноту, надеясь увидеть заинтриговавшего ее загадочного воина.

Она не смогла бы описать его в деталях. Если считать кладбище сценой, а ее место у окна — креслом в зрительном зале, то место это было удачным, потому что отсюда мальчик казался ей высоким, ловким и отважным. Он не был привидением. Вайолет однажды видела его при дневном свете — он носился по могильным плитам, вращая над головой своим оружием. Он бежал так, словно за ним гналась шайка

разбойников или стая драконов или словно он гнался за разбойниками или драконами.

Иногда он появлялся и исчезал прямо у нее на глазах точно по волшебству. Она спрашивала себя, где он живет и почему не боится играть на кладбище, которое все в Манкс-Хантли обходили стороной. Она думала о нем часами, потому что ей было одиноко и потому что отчаялась завести себе подруг среди других юных леди, живущих в деревне. Девочки, которые выросли в этом селении вокруг монастыря, никого не пускали в свой круг. И чем больше она стремилась произвести на них впечатление, тем больше они ее сторонились, пока наконец Вайолет не оставила всякие попытки к сближению.

По сути, ее единственной приятельницей была мисс Уинифред Хиггинс, гувернантка, которую дядя Вайолет нанял, повстречав на весенней ярмарке. Мисс Уинифред была пригожей рыжеволосой девушкой, добродушной и приветливой, и, как раз тогда, когда Вайолет почувствовала, что все больше проникается к гувернантке симпатией и относится к ней уже скорее как к подруге, чем как к наставнице, Уинифред призналась ей в том, что солгала барону Эшфилду насчет своей квалификации. Она не была двадцатилетней выпускницей пансиона, и опыта в наставничестве юных леди у нее не было никакого.

Как выяснилось, мисс Хиггинс в школе никогда не училась, а сбежала из дома. Пока Вайолет сидела на садовой ограде и рисовала стрекоз, ее гувернантку в зарослях у колючей изгороди соблазнял сын каменщика. Мисс Хиггинс клялась Вайолет, что у них настоящая любовь.

— Сколько вам на самом деле лет, мисс Хиггинс?

Уинифред посмотрела на Вайолет.

— Девятнадцать.

— Честно?

— Не надо было мне ничего тебе говорить, — сквозь зубы процедила Уинифред.

— Я рассказала вам о мальчике.

— Не подходи к нему, — предупредила ее Уинифред. — По крайней мере одна не подходи. — Она нахмурилась: — Мне почти восемнадцать. — Полагаю, ты собираешься рассказать дяде, что я солгала.

— Нет. — Вайолет и представить не могла, что потеряет свою единственную подругу. — А вы собираетесь рассказать ему о мальчике?

— Я пока не видела никакого мальчика.

— Но вы верите в то, что я его видела?

Мисс Хиггинс пожала плечами:

— Почему нет?

Как тем летом узнала Вайолет, есть определенные преимущества в том, чтобы иметь гувернантку, которая не только пренебрегает своими обязанностями, но и находится у тебя в долгу. Вскоре Уинифред начала позволять Вайолет вольности, которые до тех пор были ей запрещены. Она закрывала глаза на то, что Вайолет разгуливала по саду босиком, и позволяла воспитаннице забредать все дальше от усадебного дома, пока однажды они не оказались на краю откоса, с которого были видны развалины церкви и заброшенное кладбище.

Вайолет и мисс Хиггинс в молчании смотрели на ряды могильных камней, поросших мхом. Они выглядели так романтично из окна спальни Вайолет. Уинифред прошептала:

— И почему кому-то хочется наведываться в такие места?

— Ради сокровищ, — ответил жизнерадостный голос у них за спиной.

Уинифред взвизгнула так, что могла бы пробудить целую армию призраков от их вечного сна. Она чуть было не упала от страха в овраг, но Вайолет схватила ее за руку. Она бы и сама завизжала, если б не узнала полноватого юного джентльмена в куртке с оловянными пуговицами. Это был всего лишь их сосед Элди — Элдберт Томкинсон — сын деревенского врача. Он разговаривал с Вайолет каждое воскресенье после службы в церкви и часто приходил к ним в дом, чтобы поиграть с дядей в шахматы. Элди задом наперед читал наизусть целые поэмы, и еще он на своей простыне начертил карту Манкс-Хантли.

Вайолет считала, что Элди чересчур умный — таким умным человеку быть вредно, — но, к чести его будет сказано, он заявил, что верит в то, что она видела мальчика, который бился на мечах с каким-то невидимым противником на церковном погосте. Но Элди не был тем самым мальчиком, и Вайолет из-за этого даже испытала некоторое разочарование.

— Что он тут делает? — прошептала Уинифред, подозрительно поглядывая на Элдберта и его лопату, которую тот держал на плече.

— Он убежден, что среди могил зарыто сокровище, но боится его искать в одиночку.

— Я не боюсь, — сказал Элдберт. — Мне просто нужен помощник, который бы держал карту и сверялся с компасом, пока я буду копать.

Никто из них ни разу не осмеливался так близко подходить к этим развалинам.

Через несколько дней Вайолет и Элдберт снова встретились и, набравшись храбрости — теперь ее

у них было на двоих вдвое больше, — съехали вниз по склону оврага на церковный погост. Вайолет остановилась как раз перед могильной плитой — к счастью, ни ее альбом для этюдов, ни карандаши не пострадали, к этой же плите скатился Элдберт с лопатой и картой.

И Вайолет, и Элдберт понимали, что долго их вольница не продлится. В ближайшие дни их общий заклятый враг, достопочтенный Эмброуз Тилтон, конечно же, уже обратит внимание на то, что давно не видит своих соседей, и решит узнать почему. Эмброузу, как наследнику титула виконта, вскоре предстояло стать завидной добычей незамужних девиц из Манкс-Хантли. Однако по мнению Вайолет, ничего завидного в Тилтоне не было — она считала его подлым и вредным и терпела только из-за Элдберта. Она никогда не понимала, почему Элдберт позволяет Эмброузу издеваться над ним, пока однажды Элди не проговорился, что Эмброуза в школе старшие мальчики регулярно колотят, а он стыдится рассказать об этом отцу или классному наставнику.

— Но он большой, — не веря своим ушам, сказала Вайолет.

— Он боится, — сказал Элдберт. — Знаешь, не все мальчишки храбрые, и ты должна его пожалеть, Вайолет.

И Вайолет его жалела, кроме тех случаев, когда он становился донелзья противным — самым противным мальчишкой в Англии.

— Ты снова ищешь того странного типа с мечом? — крикнул он ей как-то раз с края оврага. — Знай, его не существует! И сокровищ тоже не существует! Надеюсь, вы в конце концов поймете, что выглядите глупо!

Но мальчик с мечом существовал, и Вайолет была намерена выяснить, кто он такой, хотя и не была уверена, что у нее хватит мужества рыскать по кладбищу. И уж конечно, она ни за что не полезет в изрядно осевшие развалины семейного склепа, где более ста лет назад были похоронены граф и все его домочадцы.

— Хочешь попасть в катакомбы? — спросил ее однажды Элдберт.

— Нет, конечно. Там же похоронили умерших от чумы.

— Ну да, — усмехнулся Элдберт. — Причем похоронная команда укладывала трупы один на другой, как бревна.

— Брр.

Они держались вместе, прокрадываясь между клочками травы и потрескавшимися надгробиями. Вайолет прочла только несколько из имен и эпитафий на могильных плитах, мимо которых проходила. Она отказывалась верить, что жизнь оканчивается вот так, в запустении и забвении, и была рада тому, что мать Элди положили на вечный покой на кладбище с другой стороны деревни.

— Пусть это будет рекой Стикс, — сказал Элдберт, указав лопатой на ручей, журчащий перед часовней.

Вайолет почувствовала, как по спине пробежал холодок, но то была не дрожь страха, а дрожь возбуждения.

— Ну, если это река Стикс, тогда мы все стоим у ворот в царство мертвых, и я надеюсь, что дома никого нет.

Элди повернул голову:

— Что там за шум?

Вайолет прислушалась к журчанию ручья и стуку своего сердца и затем услышала очень тихий скребущий звук — словно металл царапал камень.

— Там кто-то есть, — прошептала она, взглянув на катакомбы.

— Лисица, возможно. Или беспокойные духи. Может, что-то похуже. Давай как-нибудь на днях проверим.

— Мы не должны сюда ходить, ты же знаешь.

— Не должны, — согласился Элдберт и потянул ее за руку.

Они поднялись по ступеням до самого верха и вышли на площадку перед часовней, когда откуда-то снизу из катакомб снова отчетливо раздался знакомый металлический скрежет.

Элдберт принялся карабкаться наверх по склону оврага, но Вайолет его окликнула.

— Элдберт, — прошептала она. — Посмотри, это он.

Из подземелья вылез мальчик и стал подниматься по ступеням. С важным видом ступая по клочковатой траве, он направился к Вайолет.

Он был довольно высоким, а его очень светлые выющиеся, как у сказочного эльфа, локоны достигали самого подбородка. С того места, где стояла Вайолет, казалось, что глаза его отражают свет, сверкая, словно кристаллы. Одет он был странно — в элегантные нанковые брюки, полосатую рубашку и рваную желтую куртку, которую носил с таким щегольством, словно то был плащ с подбоем из горностая.

Элдберт скатился вниз, едва не сбив ее с ног.

— Он — голодранец из «дворца»! — прошептал он.

— Откуда?

— Из «дворца», — повторил Элди. — Побежали отсюда.

Элджер был прав, ведь он всегда прав. Может, мальчик ее и заинтриговал, но это не означало, что он был приличным, вежливым мальчиком. Что же касается того, что он из дворца, — что же, этого она не могла поставить ему в вину.

— Прошу прощения, если мы вас побеспокоили, — сказала Вайолет быстро. — Я видела, как вы упражнялись с мечом, и вы произвели на меня такое впечатление, что... что... Меня зовут Вайолет Ноултон, а это мой сосед Элджер Томкинсон. Нам, конечно, здесь не следует находиться, но мы... мы...

Мальчик ничего не сказал. Он сохранял столь невозмутимый вид, что Вайолет засомневалась в том, понял ли он ее. Она немного подождала. Ей хотелось броситься наутек, однако интуиция подсказывала, что убегать уже поздно. Она действительно надеялась с ним подружиться, а он, очевидно, не разделял ее намерений.

И вдруг он улыбнулся.

— Меня зовут Кит, — сказал он вполне дружелюбно и неожиданно вытащил из-под своей желтой куртки меч. Опустив клинок Вайолет на плечо, он добавил: — Думаю, мне придется взять вас в заложницы.

Элджер, опешив, даже выронил из рук лопату.

— Что она вам сделала?

Кит лишь мельком взглянул на него:

— Не лезьте не в свое дело.

— Беги, Вайолет, — шепнул ей Элджер. — Приведи моего отца и слуг, пока я его тут задержу. Приведи мисс Хиггинс, если сможешь ее найти.

Мальчик презрительно рассмеялся, что указывало на то, что Элджер несколько его не запугал.

— Ну, вперед, — сказал он Вайолет. — Почему бы вам не внять совету вашей сестры и не побежать домой?

— Не нужно так себя вести, — пробормотала Вайолет. — Мы думали с вами подружиться...

— Подружиться? Вы же слышали: я беру вас в заложницы. Я собираюсь отвести вас в катакомбы, и этот соплежуй ничего не сможет мне сделать.

Вайолет наконец очнулась — она не могла допустить, чтобы Элдберта так оскорбляли. Не думая о последствиях, она сняла с себя шаль и набросила ее на лицо грубияна.

— Мне жаль, что я вообще на вас смотрела. Меня не удивляет, что вы всегда играете один в этом ужасном месте. Что хорошего в том, чтобы рубить мечом невидимых врагов?

Кит попытался снять шаль, но бахрома накрутилась на рукоять меча, и как бы искусно и ловко он ни вращал оружием, шерстяные нитки не желали распутываться. Наконец девочка сняла с него свою шаль, смерив Кита осуждающим взглядом, с невозмутимым видом снова накинула себе на плечи. Она держалась с королевским достоинством, и от этого Кит почувствовал себя грязным и жалким. Он узнал в ней девочку, которая наблюдала за ним из окна дома на холме, и знал, что если бы она захотела, то бы пожаловалась на него надзирателям рабочего дома, но она никому ничего не сказала и была его единственной зрительницей во время упражнений с мечом, и это льстило ему. Ее общество было намного приятнее, чем общество мертвецов, с которыми Кит сражался. Призраки не могли причинить ему вреда, но надзиратели из приюта могли, если бы узнали, что он отлынивает от работы.

Надсмотрщикам нравилось пороть мальчиков, сдирая не только кожу, но и мясо, или вешать их вниз головой на ночь, или сажать в карцер. Кит больше всего ненавидел карцер, особенно когда сторож пускал в каморку крыс.

Кит жил в работном доме уже двенадцать лет, а перевели его туда из приюта в два года. В журнале записей работного дома значилось, что его нашли завернутым в плащ на пороге.

Сейчас его выпускали из работного дома на три часа через день, чтобы он собирал камни и распугивал ворон вместо чучела на полях одного старого фермера, а на церковный погост Кит приходил в поисках покоя. Он не мог с точностью сказать, почему его привлекали катакомбы и покосившиеся надгробия. Может, потому, что под ними скрывался туннель, который вел к работному дому?

Полтора века назад здесь, в Манкс-Хантли, свирепствовала чума. Болезнь пощадила лишь несколько семей. Над кладбищем нависло проклятие. И в тени вязов, окружающих это место, ничто не росло, кроме травы и поганок.

Иногда Кит устраивал настоящее боевое представление ради девочки, которая находилась от него достаточно далеко и совершенно не догадывалась о том, что он обычный нищий мальчишка.

Девочка была довольно хорошенькой — темноволосой, с лучистыми глазами и звонким голосом. Алицо ее напоминало лица на брошах, которые носили милые пожилые леди из тех, что занимались благотворительностью и посещали «дворец».

Обитателям работного дома, или «дворца», как его все тут называли, никогда, однако, не доводилось по-

пробовать ни одного из пирожных с ванильным кремом, что пекли для них эти дамы. Надзиратели забирали корзины с едой — таков был порядок. Так пусть эта девочка в окне смотрит на него, если хочет. За просмотр денег не берут. От того, смотрит она на него или нет, Киту было ни жарко, ни холодно. Вот чего он не переносил, так это прикосновений, и еще совсем маленьким научился защищаться от рук, которые пробирались к нему под одеяло. Впрочем, терпеть оставалось недолго. Он останется во «дворце» до октября, а дальше у него два пути: либо убежать, либо быть проданным какому-то чужаку в ученики. В октябре ему исполнялось пятнадцать, и он должен был покинуть дом. Но обитатели работного дома не могли позволить себе такую роскошь, как право выбирать свою дальнейшую судьбу.

Глядя на девочку, Кит нахмурился:

— Я не собирался брать вас в заложницы. Не с таким оружием. — Он закинул меч — а на самом деле обычную тяпку — на плечо. — Это была игра. И бой на мечах — игра. Я бы не причинил вам вреда. Идите спокойно домой.

— Простите, — сказала Вайолет.

— За что?

Она прикусила губу.

— За то, что испортила вам игру, случайно узнав вашу тайну.

Кит был уверен, что больше никогда ее не увидит.

Впервые заметив ее в окне, он подумал, что она калека. Потом он решил, что она, должно быть, наследница, которую привезли сюда из Лондона и держат заложницей в надежде получить за нее выкуп. Никто в здравом уме не стал бы искать пропавшую

девочку в Манкс-Хантли. Через несколько недель он заключил, что ее заперли в доме в наказание за то, что она не слушалась родителей. Ему даже стало ее жалко. Он много всего передумал до того момента, как она стала ему другом.

И ни одно из его предположений не оказалось верным.

Глава 2

Через три дня Эмброуз раскрыл тайну Вайолет и Элдберта. Эмброуз заподозрил, что эти двое что-то затевают, и его сильно задело то, что его не позвали. В конце концов, Эмброуз считал себя здесь полноправным хозяином, ведь ему никто не был указом, кроме его матери, которую он боялся до полусмерти, и еще соучеников, чьи постоянные издевательства наполняли его стыдом и злобой.

С ним едва не случился гневный припадок, когда он узнал, что Вайолет и Элдберт не только пробрались на запретную территорию церковного двора, чтобы найти себе там приятеля — мальчишку из рабочего дома, но и что этот мальчишка взялся учить неповоротливого Элдберта фехтованию. Вайолет сидела на могильной плите — ни одна приличная девочка до такого бы не додумалась — и плела венки из клевера, собранного со склона оврага.

Худой светловолосый мальчик заметил Эмброуза первым. Он враждебно прищурился, словно знал, кто такой Эмброуз, что, наверное, было правдой. Затем он принял воинственную позу, словно собирался вызвать его на дуэль.